

Artykuły, rozprawy

Статьи, публикации

Илья Я. Левяш

БГПУ Минск

Россия между судьбой геополитизации и фортуной глобализации

Rosja pomiędzy losem geopolityzacji a fortuną globalizacji

Цель доклада – постижение диалектики глобализации и геополитизации в контексте современной трансформации России. Такой замысел требует опоры на результаты постижения проблемы в современном междисциплинарном знании. Это обязывает к категориальной ясности. По Л. Витгенштейну, «если мы не знаем точных значений используемых нами слов, мы не можем ожидать какой-либо пользы от наших дискуссий» [Цит. по: Поппер 1992, 25]. В рассмотрении проблемы важно «расколдовать» символические коды *смыслов* геополитики и глобализации, видеть *динамику* геополитических *традиций* и глобальных *инноваций*. Структура анализа: глобализация как вызов России; от геополитики к геоглобалистике; идентификация и самоидентификация России в мире; глобальный выбор: мифологемы и реалии; Запад как двуликий Янус; европейская асимметрия России: pro и contra; евразийский тест европейской России.

Глобализация как вызов России

«Глобализация - термин, который должен занять ключевое место в лексиконе общественных наук»

Э. Гидденс [1999, 113]

Уже постановка проблемы взывает к *архетипам* судьбоносного выбора России. Они формировались и эволюционизировали по формуле Тойнби «Вызов-и-Ответ». Ее контекст в том, что «Вызовы-и-Ответы» не сводимы к внешнему взаимодействию, и «по мере развертывания процесса наблюдается тенденция к смещению действия из области внешнего окружения... в область внутреннюю. Иными словами, критерий роста – это прогрессивное движение в направлении самоопределения» [2003, 258].

Вызов истории – это категорический императив выживания и свободного развития цивилизации и ее ядра – культуры, но *Ответ*, в конечном счете, зависит от того, какова степень *самоопределения* принявших вызов народов [Там же, 113]. Их реальная *субъектность* означает динамичную способность к адекватным ответам. Но эти действия могут быть неадекватными, и тогда народы становятся статичными *объектами*, в терминологии А. Платонова – «*дубъектами*».

Ответы России на вызовы исторического Времени всегда в решающей мере зависели от степени ее субъектности, реальной способности к внутренней динамике и *в меру* этого – реакции на внешние вызовы. В таком ракурсе ведущие отечественные архетипы представляют собой далеко не линейную драму взаимодействия и смены смыслообразующих символов.

Первым стал эзотерический и статичный, вне исторического времени, образ затаившейся от монгольско-тевтонских лихолетий «*святой Руси*». Но в итоге собирания и упрочения России, поднятой на дыбы Петровской трансформацией, гоголевский гений создал символ России как «*птицы-тройки*». В 20–30 г.г. XX в. возник образ вновь пассионарной России. Она, по Е. Замятину, – *ледокол*, «такая же специфически русская вещь, как и самовар... всюду моря свободны, только в России они закованы льдом... – и чтобы не быть отрезанным от мира, приходится разбивать эти оковы. Россия движется вперед странным, трудным путем, не похожим на движение других стран (...) она взбирается вверх – и сейчас же проваливается вниз ... она движется, разрушая» [1989, 28]. Под занавес прошлого века «ледокол» постигла «катастрофка» и судьба «Титаника», а кричащие масштабы и глубина «провалов» страны не оставили места эзотерике. Святая Русь «всплыла» и ныне нередко маркируется как «остров Россия» (Цимбурский).

Обратим внимание на разрывы между смысловыми приметамы этих символов. Образы прикровенной Руси и откровенного «острова» – из ста-

тичного *ретро* (Московского царства или поближе – СССР за «железным занавесом»). Динамичная «тройка» – это *футуро*-образ. Она «несется», не ведая *куда*, и не зная ни *откуда*, ни *как*, ни *кто*, собственно говоря, «ямщик».

О чем свидетельствует этот противоречивый символический ряд? Россия всегда более устремлена либо в свое *прошлое*, либо в *будущее*, умаляя перво-степенность, более того – самоценность *настоящего*. В терминах Тойнби, архаизм и футуризм – в равной мере Утопия, идеализация былого или чаемого, но неизменно – недооценка библейского «здесь и сейчас». Не говоря уже о символах «птицы-тройки» и «острова» (они *не технологичны*, и с ними просто невозможно *работать*), и «ледокол» оказался ситуационным, а не эпохальным. Этот символ – ретро последнего поколения: ныне Россия маневрирует среди *глобальных* айсбергов, определяя национально-государственный маршрут. Современный российский *маршрут* своеобразен не только своими «подъемами» и «провалами», но и тем, что он на порядок *сложнее* линейно понятой формулы «Вызов-и-Ответ». Их *характер* во многом определяется реальной *субъектностью* России.

Смысловой эпицентр дискурса этой проблемы – в консолидации вокруг двух полюсов дилеммы «*глобализация или геополитизация*» мира вообще и России – в особенности. Изначально она не признала в идее и тем более – практике глобализации «свое другое: «Глобализация вообще не стала темой серьезного размышления правящих кругов ни в качестве *угрозы* (как её воспринимают старые «левые»), ни в качестве *вызова* (как к ней должна была бы отнестись правящая элита)» [Федотова 2002, 60].

Глобализация во многом рассматривается как *вселенский* апокалипсис. Риторически звучат уже названия работ известных авторов [см.: Гуревич 1997, Неклесса 1999]. Очевидная реальность в том, что «с левых позиций (...) отношение к глобализации в России сегодня похоже на прежнее отношение к капитализму» [Федотова 2002, 59]. Но, оказывается, это не только «левая» ориентация. На заседании СВОП (Совета по внешней и оборонной политике) в 2001 г. также «...не нашла поддержки предлагаемая формулировка процесса глобализации, которая в докладе преподнесена как объективная данность»... В. Третьяков заметил, что «доклад изначально пессимистичен». В нынешнем виде его следует назвать не «Россия в условиях глобализации», а «Конец России в процессе глобализации» [НГ. 6.03.2001].

Дискуссии о глобализации скрывают базовый эвфемизм: мы *говорим* о глобализации, а *подразумеваем* геополитику. Но почему? Россия, отмечает Л. Ионин, вступила в XXI век «далеко не фаворитом». Поэтому «российские и американские элиты смотрят (...) в разных направлениях: аме-

риканцы в XXI век (ключевое слово «глобализация»), а россияне – в XX (ключевое слово «геополитика»)....речь идет о столкновении, с одной стороны, партикуляристской геополитической идеологии..., и – с другой – универсального глобалистского проекта» [1998, 34].

Однако М. Чешков уместно подчеркивает, что болезненный характер восприятия глобализации не сводим к ее противопоставлению геополитике. Глобализация «несет вызов *цивилизационному* сознанию, грозя ему нивелировкой и хаосом». В таком контексте возникает потребность в смысловом и структурном углублении идеи «снять противоречие глобальности и цивилизованности, столь характерное для российского общественного сознания, возможно, углубляя научно-познавательный смысл идеи глобальности» [МЭиМО 1999. №4, 44]. Отмеченное противоречие в его подлинном объеме находится в пространстве треугольника «*глобализация – геополитика – культура/цивилизация*». Это вызывает фундаментальные вопросы. Исходные из них: что такое глобализация? Является ли она объективным и, следовательно, неизбежным процессом, охватывающим весь мир? Как она соотносится с процессами геополитизации мира в целом и России – в особенности как культурноцивилизационного феномена?

В постижении глобализации наиболее распространён феномен, известный как синдром «нового вина в старых мехах». Она описывается в известных категориях *интернационализации* народов и *интеграции* государств. Оба эти процесса обеспечивают синергию совместных действий. Тем не менее они, во-первых, способны *внешней* (inter-nation) связи, и во-вторых – *ограничены* в пространстве групп государств и народов. *Глобализация* не сводится к ним, хотя и включает и трансформирует их. Такая целостность развивается по своим собственным законам, и «соль» проблемы в том, чтобы выявить их суть и выработать адекватные им ориентации.

Есть смысл расстаться и с иллюзией отождествления *общечеловеческих (мировых)* и *глобальных* проблем. Парадокс в том, что *все* глобальные проблемы – общечеловеческие, но далеко *не все* из них – глобальные. Всегда есть и будут общечеловеческие проблемы, которые могут быть решены на индивидуальном, групповом, страновом уровнях. На наш взгляд, *инновационный* характер глобальных проблем заключается в том, что это проблемы глубинных оснований выживания и свободного развития рода «Человек» как *целостности*. *Глобализация* – это амбивалентный процесс развёртывания качественно новых, уникальных планетарных противоречий, которые, во-первых, представляют непосредственную угрозу выживанию рода «Человек» и, во-вторых, могут быть решены лишь путём кардинальной смены ценностно-смыслового ядра современных цивилизаций и объединёнными усилиями народов и государств. Глобализация –

одновременно возможность нового или последнего «осевого времени» [см.: Левяш <levyash.by.ru> 2003; 2004, гл.15].

Такое понимание требует анализа тенденций, обусловленных неизвестными ранее противоречиями *структурирования* мира. Он стал иным, и «маятник Фуко» качнулся в сторону постмодернистского сомнения в монополии *мира-древа* как «теоремы диктатуры». Этот образ – по принципу дополнительности – потребовал совмещения с образом мира как *ризома*. В такой интерпретации «важно то, что дерево-корень и ризомаканал не противостоят друг другу как две модели» [Делёз, Гваттари 1996, 26–27].

Реалии глобализации одновременно создают и беспрецедентные трудности, и объективные предпосылки решения дилеммы *культуротворческого* «единосушего» или только *цивилизационной* «одинаковости» [см.: Розанов 1992, 143]. Глобализация – это становление единой и взаимосвязанной, в терминах Тойнби, «*Цивилизации* с большой буквы» на основе гомогенизации материальных производительных сил, социально-политических отношений и структур. Глобализация *культур*, напротив, – процесс адаптации общецивилизационных достижений к культуротворчеству, выработка творческой способности национальных культур к «самостоянию» и вместе с тем «цветущей сложности» (К. Леонтьев) в контексте общечеловеческих ценностей и смыслов.

В таком ракурсе культурные универсалии должны стать *tertium comparationis* (лат. третий член сравнения как критерий совпадения сравниваемых вещей). Эта формула несовместима как с космополитичным глобализмом, так и с эгоцентричным национализмом. Новое дыхание обретает замечательная мысль В. Соловьева: «Для показания своей национальной самобытности на деле нужно думать о самом этом деле, нужно стараться решить его самым лучшим, а никак не самым национальным образом. Если национальность хороша, то самое лучшее решение выйдет и самым национальным, а если она не хороша, так черт с нею» [1989, 7].

«Думать о деле» глобализации – значит прежде всего упрочить *унверсалистские* опоры и творчески-преобразующий потенциал культуры. В конечном счёте, креативная способность ответить на вызов глобализации зависит от становления неизвестного ранее способа реализации завещания «осевого времени» – *цивилизационного единства в конструктивном культурном многообразии*.

От геополитики к геоглобалистике: циклопы и титаны

«В мире есть только два владыки – меч и дух. И в конце концов дух всегда одерживает победу над мечом»

Наполеон [Цит. по: Камю 1992, 426]

Глобальная универсализация – еще не структурированная плазма без «*месторазвития*» (Савицкий). Эта реальность с силой естественного закона порождает и воспроизводит *геополитику*. Французский геополитик И. Лакост обозначил ее предмет как весь спектр отношений между государствами, которые имеют *пространственное* выражение [Lacoste 1984].

Геополитика напоминает мозг с двумя ассиметричными полушариями. Она непреходяще исходит из динамичного и неравновесного баланса авторитета *силы* – Real-politic и силы *универсалистского* авторитета. Если для св. Павла «Бог не в правде, а в силе», то для Александра Невского – наоборот: «Бог не в силе, а в правде». Перспективная геополитика – это труд *титанов*, держащих на себе мир, но не безоглядно крушащих его *циклопов*. В ней есть место трудному синтезу авторитета силы и силы авторитета.

Общая формула такова, что «коренной» универсализм, в конечном счете, побеждает, когда его усилия подкрепляются «пристяжными» Real-politic, но не сводятся к ним. Классический прецедент – наполеоновская эпопея. Вначале ради аннексии России, диктатор, по версии Достоевского, искал дружбы с Александром I и – по натуре скептик – предлагал: «Если я приму православие и освобожу ваших рабов, пойдут за вами русские или нет?». «Никогда!» – вскричал я в негодовании – такова была отповедь автора романа «Идиот» *от имени* России [Т.8, 415]. Лишь на острове св. Елены Наполеон признал, что «в конце концов дух всегда одерживает победу над мечом» [Цит. по: Камю 1992, 426]. Эта запоздалая мудрость неведома З. Бжезинскому, автору модного символа глобальной «шахматной доски» и геополитического проекта расчленения России. И у нас есть немало сторонников *симметричного* Ответа. Апофеозом является чеканная формула А. Дугина: «Кто говорит геополитика, тот говорит война» [1998].

34 Мир всегда, но в условиях современности – в особенности, устроен не по Бжезинскому или Дугину. Этот мир – не плоскость, или «шахматная доска», а прежде всего *глубина*, или *сфера*, в которой «геополитику, конечно, никто не отменял, но и глобализация – не менее серьезная реальность» [Тренин 2000]. Мир в корне изменяется, бросая вызов *традиционной* геополитике, ставя под сомнение ее сиротское отчуждение от ее *культурно-цивилизационных* оснований и по-новому ставя гамлетовский вопрос.

Нельзя не видеть, что глобализация внесла принципиальные изменения не только в противоборство «меча и духа», но и в их взаимопроникновение. Многие обстоятельства обуславливают эти кардинальные сдвиги. Среди них – трансформация роли *государства*; движение от геополитики к *геоэкономике*. Для нашей проблемы первостепенна *регионализация* мира.

Парадокс в том, что известные регионы – территории, но далеко не всегда территории – это регионы. У них – *предыстория* тысячелетий существования и эволюции внешне связанных, но самодостаточных «одноклеточных» макрокосмов. Регион, как культурно-цивилизационный феномен, имеет смысл только в *контексте* глобализации. Являясь относительно самостоятельным, регион абсолютно несамодостаточен как *подсистема* глобальной целостности и вне её взаимосвязи и взаимообусловленности – просто территория.

Глобализация более связана с *цивилизацией*, а регионализация – с *культурой* [Рац 2001]. Отсюда – «осевая» проблема идентичности и способов межрегиональных взаимосвязей. Наиболее перспективная из них – *интеграция* больших, достигающих все большей степени гомогенности, но уже не самодостаточных пространств. Все более ясно, что их консолидация диктуется не только массой, формой, расположением и т.п., но и сами эти признаки – *динамикой*, гераклитовым потоком мирового океана. Космос политики и ее «своего другого» – геополитики предстает как целостность *культурно-цивилизационных* оснований деятельности человека.

В конечном счете, какова геополитическая *культура*, такова и геополитика, и геоэкономика. Их синтез на культурно-философских основаниях обуславливает формирование нового интегративного направления теории и практики – *геоглобалистики*. Геополитика – власть алгоритмов *пространства* над временем, геоглобалистика – власть ритмов *мета-времени* над мета-пространством. Это – исход из круговерти неотвратимой судьбы и непредсказуемой фортуны в динамичный логос взаимосвязанного, единого и неделимого глобального хронотопа.

Идентификация и самоидентификация России в мире

«Русь – прадедам, Россия – нам»

М. Цветаева

Различение понятий – идентификация и самоидентификация – имеет принципиальный характер. С одной стороны, что *есть* Россия и чем она *может стать*, как она воспринимает *себя*, и, в свою очередь, *мир ее*, – это взаимосвязанные, но разные вопросы. Их ставил еще Достоевский: «Тройка, птица-тройка, кто тебя выдумал!» ... И летит, и *сторонятся*

в почтительном недоумении народы ... И дивятся другие народы... Если в эту тройку впряжен Чичиков, Собакевич, Ноздрёв,... то при каком хотите ямщике ни до чего хорошего не доедете. Не починить ли тройку? А для этого что – вникнуть и осмотреть...» [Т.15, 351]. Такие «смотрины» обнаруживают альтернативы: является ли Россия великой *мировой* державой? великой *региональной* державой? вообще *державой*?

Амплитуда суждений и оценок настолько безбрежна, что позволяет оспроизвести лишь самые характерные позиции. Кричащий штрих на этом фоне – нередкая апелляция к определению Николаем I традиционной России как «большого человека» (см.: Тойнби 2003, 501). Однако в эпицентре картины – анализ и оценки наследия, с которым Россия связана *непосредственно*. В таком ракурсе немецкий исследователь К. Зегберг подчеркивает *первостепенность* вопроса о «взаимосвязи между глоба-лизацией, советским наследием и происходящими переменами» [1999].

Некоторые российские политологи и геополитики ставят кардинальный вопрос: «Как могло столь быстро свершиться такое глубокое падение?» По их мнению, ответ заключается в утрате свойственного советскому обществу *глобального* проекта. Тем не менее «ни о какой победе Запада над Востоком в самой этой («холодной») войне говорить нет оснований» [Ионин 2000, 150]. На наш взгляд, такие основания *есть*, как *нет* оснований утверждать о глобальном характере коммунистического проекта.

В России коммунизм был одной из ипостасей индустриального общества, *незападным типом* его строительства и модернизации. Тем не менее, пережив период «бури и натиска», проект быстротечно мутировал. Это было роком жесткой конструкции и имперской «сверхзадачи» Системы. В программной статье В. Путин усмотрел основную причину «обвала» в «наследии в виде экономики советского типа». Главный ее порок – идеократический характер. Реализуя коммунистическую доктрину, Россия 70 лет шла «по тупиковому маршруту движения». За этот «эксперимент» заплачена «огромная цена». В общемировом контексте Россия оказалась *неконкурентоспособной*: «Власть Советов не сделала страну процветающей, общество – динамично развивающимся, человека – свободным» [НГ. 30.12.1999].

Иными словами, советская модернизация была относительно успешной в *до*-глобальную эпоху и абсолютно тупиковой – с ее наступлением. Коммунистический проект, по замыслу являясь *мировым*, никогда *не был глобальным*. В нем царили: охранительная идеократия против меритократии, технологический консерватизм против вызовов технотронных революций, «островная» автаркия против открытого общества. Империя напоминала странную птицу немецкого художника П. Клея – устремленную

вперед, но с повернутой назад головой. Она стремилась не к решению инновационных проблем взаимосвязанного мира, а к «нулевой сумме».

В итоге «нулевая сумма» вернулась бумерангом. Был ли крах СССР его *развалом* или *распадом*? В.Межуев точно заметил, что империи творят титаны, а разрушают – пигмеи. Они жили, под собою не чуя ни страны, ни мира. Но кто титаны и кто пигмеи – «императоры» или «христиане» и «арвары»? Говоря словами св. Киприана: «Вы-жалуетесь на агрессию стонных врагов; но если враг перестанет беспокоить, воцарится ли мир между римлянами?» [цит. по: Тойнби. Постижение..., 311].

Некоторые российские политологи склонны к реквиему по России, на сей раз – в связи с демократическим процессом. Для них «современная российская демократия возможна только как результат бифуркационного застоя», ибо «антиномия требует не выбора, но смирения с сосуществованием взаимоисключающих альтернатив» [Ильин 2003, 159]. Логическая цепочка этого процесса: вначале констатация антиномии «традиционализм – модернизация» (читай: геополитика – глобализация); далее – смирение, признание этого противоречия как неразрешимого, или рока; наконец, поскольку бифуркация не бесконечна, и от выбора не уйти, неверие в модернизацию = глобализацию, инволюция к традиционному изоляционизму («острову») и, наконец, *имплозия* («схлопывание», или саморазрушающий, направленный вовнутрь взрыв). Чем значительнее масштаб, провоцирующий этот комплекс, тем разрушительнее последствия взрыва.

Российская «Атлантида» – предложенный В. Цимбурским образ такого конца. Интересно, что она – не просто страна, а именно *империя*, «которую мы потеряли». «Сжавшаяся Россия лишена признанного метаисторического идеала, который мотивировал бы ее существование». Тем не менее «все-таки геополитический ритм империи пока жив: он удачно подсказывает наилучшие для русских сегодня направление интересов и приложение усилий... «Российская Атлантида» еще не затонула, но сейчас проблемы ее безопасности надо ставить иначе...» [1999. №4].

Вообще характерна взаимосвязь: именно те, кто убежден, что «умом Россию не понять», склонны *верить* в ее фатум как *имперского* феникса. Понятна надежда А. Зиновьева «подняться на уровень одной из ведущих стран планеты, о чем мы мечтаем». Иное – претензия «составить (...) серьезную конкуренцию в битве за мировое господство...» [ЛГ. Вып.1. 2003]. Фантазмы «снов разума» беспредельны: «Почему не допустить..., что в нашей судьбе заложен и космогонический смысл (...) проявилась астральная, космогоническая судьба России» [ЛГ. 5. 11.2003].

Такой расклад суждений и оценок – от утратившей пассионарность до обремененной космической судьбой России – вызывает «почтительное

недоумение» мира. Но также – с различных позиций. Продуктивно выявить их «золотую середину». Говоря словами В.Путина, российский истеблишмент не рассматривает страну, как «инвалида», но нет и иллюзий по поводу *проблемного* характера возрождения страны.

Трезвое видение России «извне» сводится к тому, что страна медленно, но все же выходит из смутного времени. Д. Ремник, известный американский автор книги «Могила Ленина», указывает на глубинную *причину* феномена России-феникса: «Если бы русские сегодня пытались создать современное государство исключительно по иностранным образцам и если бы в русской истории не было бы ничего, (...) на что можно было бы опираться и чем можно было бы гордиться, мало чего можно было бы ожидать. Но дело обстоит не так... почва российской истории далеко не бесплодна». Ремник приходит к заключению: «Несмотря на очевидную стратегическую слабость России, на Западе преобладает мнение, что она возродится как великая держава.» [НГ-Сценарии. 8.12.1999]. Ф. Фукуяма считает естественным, что после крушения коммунизма и развала Советского Союза встал вопрос о *национальных интересах* новой России. Эти интересы имеют *динамический* характер, связанный с глубоким преобразованием самоидентификации России. Даже те, кто выступает за возврат к «объективным» национальным интересам, «внутренне верят, что это означает смену статуса *сверхдержавы* XX века на статус *великой* державы XXI века» [см.: 2000].

История повторяется на *новом витке*, и вновь актуализируется формула князя А.М. Горчакова: «Интересы России заключаются в двух следующих принципах. Устранить все, что могло бы нарушить работу в области реформы. Препятствовать, поскольку это зависит от нас и не противоречит нашей основной задаче, чтобы в это время политическое равновесие было нарушено в ущерб нам» [Цит. по: Вторые...2002].

Россия, как великая держава начала XXI в., вынуждена удерживать политическое равновесие в неузнаваемо новом мире. Вызовы национальной безопасности России отчетливо просматриваются «по всем азимутам» [Колосов 1996]. В такой ситуации стратегия политического равновесия требует надежного «панцыря» (Вебер) – укрепления обороноспособности страны.

Однако не менее значим и горчаковский принцип в контексте, который «не противоречит нашей основной задаче... в области реформ». Эта задача требует творческого видения нового типа взаимообусленности *внешней* и *внутренней* ипостасей национальной безопасности. Поиски парадигмы вращаются вокруг проблемы соотношения *страны* и *державы*. Одна из альтернатив представлена экспертом Фонда Карнеги: «Основной вектор усилий России в новом веке должен заключаться в том, чтобы стать ус-

пеишной страной... Слово *страна* сознательно противопоставляется понятию *державы*» [Тренин 2000]. Такое кредо ведет к слову одного из ключевых российских архетипов. Сильное государство было и остается непреходящей ментальной ценностью россиянина, но напряженный и сегодня открытый вопрос – в солженицынской дилемме: «Волкодав прав, а людоед нет» [Т.2 1991, 136].

Драма российской государственности в том, в мире глобальных вызовов она пока не смогла «перейти от задач *выживания* к задачам *развития*» [Деягин Вторые...2002]. В России традиционно такую сверхзадачу формулирует ее системообразующий субъект – государство. Однако «Как нам обустроить Россию?» – это вопрос не только государства, но и *общества*, не только управления, но и *самоуправления* в духе Солженицына–Сахарова. Академик М. Келдыш говорил: «Власть и Россия не тождественны. Родина у человека одна – «запасных нет», а жизнь и шанс подарить людям свое творчество даются один раз и даются Богом, а не властью» [ЛГ. 2–8.10.2002].

Искомая формула: «И страна, и держава». Только *совокупный потенциал* общества и государства – надежная предпосылка могущества и величия России. А по этому решающему критерию соперничать с нами действительно трудно [см.: Доклад... НГ-Круг жизни. 30.03.2001; Левяш 1998. №1]. Однако таков не более, чем шанс. В свое время это поняли в США. Журнал «Сайенс дайджест» писал: «Достижения Советского Союза, запустившего на орбиту вокруг Земли первый искусственный спутник, повергли в панику западные правительства и привели к созданию Консультативного Совета по науке и технике при президенте» [Политика США..., 163].

Уникальная для России возможность выживания и развития в условиях глобализации: «*природно-ресурсный потенциал* и *человеческий капитал* — это две опоры, два основных элемента для обеспечения прорыва России в число наиболее развитых государств в течение ближайших 30–40 лет» [Кувалдин НГ. 30.03.2001]. О *дистанции*, которую страна должна пройти по этому пути, красноречиво свидетельствует формулировка темы конференции Римского клуба «Устойчивое будущее России?!» [2000] – одновременно с вопросительным и восклицательным знаками. Один из экспертов Клуба разъяснил возможность разрешения этого парадокса только одним способом - в *транс-инновационной* деятельности. В. Путин акцентировал такую ориентацию, отметив, что «соль» современной российской идеи в том, чтобы обеспечить *конкурентоспособность* России. Пора следовать тойнбианскому критерию прогрессивного движения в направлении *самоопределения*.

На оселке глобального выбора: мифологемы и реалии

«Фауст: Куда же мы теперь?»

Гёте

Беспрецедентная *открытость* России миру – в принципе в русле глобализации. Однако в определении маршрута она пока по преимуществу движется в пределах традиционной «Руси прадедов» – незавершенного поиска своих цивилизационных оснований и соответствующих геополитических ориентаций. Вопрос Киплинга: Россия – самая западная из восточных или самая восточная из западных стран? – остается открытым. Основные альтернативы России можно представить логической триадой: *однополярный – многополюсный – многомерный мир*. В фаворитах – концепция *однополюсного* мира. На ее фронте – *американоцентричный* мировой порядок. Как пишет политолог М. Соррел: «Мир не глобализуется, он американизируется» [Sorrel 2000, 61]. По Бжезинскому, США являются «первой, последней и единственной глобальной супердержавой» [Цит. по: Актуальные... 2003. №3, 150].

Общий баланс претензий США на «сверхдержавность» подводят авторитетные американские политологи и геополитики. Г. Киссинджер констатирует: «Что действительно является новым в возникающем миропорядке, так это то, что впервые США не могут ни изолировать себя от внешнего мира, ни господствовать над ним...» [НГ.20.03.1998]. По словам Д. Саймса, у США, конечно, есть глобальная *роль*, но это не означает их глобальной *миссии*.

В целом в русле такого подхода – предложенный С. Хантингтоном необычный концепт *полутораполярного мира*, в котором мировая система является «неким странным гибридом, некой одномногополярной системой, в которой существует одна супердержава и несколько крупных держав» [Huntington 1999, 36]. Неоимперские претензии обрекают США на удел «*одинокой супердержавы-изгоя*». В пределах смысла «полутораполярного мира» это означает необходимость не только крепить союз США с великими европейскими державами, но и вовлекать в сотрудничество Россию с целью нейтрализации Китая, Японии и исламской угрозы [1996, 2000]. Такое предложение – «чистая» геополитика, потому что его автор так и не определился с цивилизационной идентичностью России.

Неудобной позе России между двух стульев – американского клиента и евразийского шерифа – противопоставляется концепция *многополюсного* мира, в котором Россия – один из его «ведущих игроков» [см. например: Рогов 2000]. Однако такой подход более вряд ли соот-

ветствует интересам как России, так и мира. «В условиях многополярного мира каждый из «полюсов» обречен на противостояние единственной сверхдержаве. Но такое позиционирование обнаруживает уязвимость России по ряду известных важных параметров. В многополюсном мире Америка имела бы дело с разобщенными субъектами международных отношений, и России это не гарантирует стабильности... Нам необходимо настойчиво стремиться к отказу от устаревшей геополитической парадигмы» [Ионин НГ. 19.02.2000].

Если многополярный мир – это «многополюсный миф» (Мирский), то более адекватным геоглобалистскому подходу представляется концепт *многомерного мира* [см.: Салмин Вторые...2002]. Современность и без постмодерна – одновременно и древо, и ризома, объективная тенденция к единой мета-цивилизации в контексте множества *культурных миров*. Отсюда – реалистическая констатация: «Мир превратился не из биполярного в многополюсный, а из двухмерного в *многомерный*... это пересекающиеся и взаимодействующие друг с другом, но все же *разные* миры... Для каждого измерения должна существовать своя стратегия» [Ионин НГ. 19.02.2000].

Компаративный анализ изложенных геополитических концептов позволяет выявить их культурно-цивилизационные *источки*. А. Солженицын, не вполне определившись «из-за двойственности слова «цивилизация»: внешняя ли это предметность достижений или многостолетняя органическая традиция», полагает, что «во втором смысле: Россия и сегодня является собой одну из крупных мировых цивилизаций». Основание он находит «*глубже* уровней экономического, политического и даже социального», т.е. не в цивилизации, а в *культуре*. Россия – «одно из виднейших русл мировой умственно духовной жизни... Потенциальные возможности России значительно превосходят ее нынешние материальные и геополитические обстоятельства» [НГ. 3.04.1999]. Здесь бесспорно утверждение *культуротворческой* уникальности России, но ее цивилизационная «особость» – только *постулат*.

Такое раздвоение – хрестоматийная *судьба* всей российской истории и современности. На Вторых Горчаковских чтениях отмечалось, что *открытым* остается кардинальный вопрос: в чем *суть* российской цивилизации? – и «... наиболее плодотворной в познавательном плане является концепция ее «раскола» и отсутствия в ней «нормативной срединности»..., обуславливающих противоборство «восточного» и «западного» начал» [Согрин 2002]. *Маятниковый* характер выбора – признак перманентного «раскола». Не уповая на возможность его форс-мажорного преодоления, попытаемся наметить координаты самых циклопических камней преткновения.

Запад как двуликий Янус

«Как войти в Запад - вот в чем суть спора»

В.Третьяков [НГ-сценарии, 11.04.2001]

«Европа разрывается между нуждой в Америке
и отвращением к ней» М.Лернер [Т.2, 469]

Первый девиз этого раздела свидетельствует о том, что Россия, по-хоже, прощается с культурно-цивилизационным дальтонизмом. Однако ориентация на «Запад» еще не отменяет дальтонизма иного рода – *невидения* динамики и трансформации самого «Запада».

Исторически бесспорен феномен Запада без кавычек. Он представлял относительно *единым* культурно-цивилизационным комплексом. Как синоним Европы, Запад традиционно включал и ее дочернюю ветвь – США. В этом смысле Тойнби полагал, что на территории США «...не возникло самостоятельной и независимой цивилизации», и это «отличительный признак заморского мира» [2003, 111, 225, 400].

Уникальность ситуации второй половины XX-начала XXI столетий «схвачена» в ключевом вопросе, который М. Лернер поставил в беседе в А. Тойнби: «*Является ли Америка цивилизацией?*». Это был риторический вопрос для автора труда «Развитие цивилизации в Америке» [1992], который выдержал 30 (!) изданий. Мэтр историософии «был вежлив, но мысль, что Америка является самостоятельной цивилизацией, оскорбила его великие исторические чувства... Конечно же, Америка не была самостоятельной цивилизацией, но лишь ответвлением западной цивилизации...» [Т.2, 498–499].

Но для Лернера «центральный вопрос – о судьбе Америки в мировой системе (...) об испытаниях силы Америки как цивилизации» [Там же, 490]. Его аргументы – о сформировавшемся ценностно-смысловом ядре уже *самостоятельной* и *зрелой* цивилизации. «Философия американского представления о мире такова: Америка – это Новый свет, тогда как остальной мир, помимо Америки, – это Старый свет (...) основана Америка как составная часть естественного порядка вещей, в отличие от порядка искусственного. Это ставит американцев в исключительное положение людей, верных природе, что может послужить оправданием вмешательству в дела мира... Центральным элементом американской философии является убеждение в том, что американские институты (...) лучше институтов других народов» [Там же, 457]. Поэтому «Америка не чувствует себя как перед судьями, а Европа не вершит над ней суд как признанная хранительница культурного авторитета (...) Антипатию к Америке питают смешанные чувства ...оскорбленной гордости и тревожного опасения, как станет ис-

пользовать Америка свое могущество в международных делах» [Там же, 446, 468, 469].

Обоснованны ли эти опасения? Итоги Второй мировой войны, с одной стороны, стали апокалипсисом Европы, а с другой – привели к крутому восхождению США. Они не только стремительно меняются ролями *ведущего* и *ведомого*, но с этого времени Америка все более устойчиво обнаруживает и манифестирует свою цивилизационную «самость» относительно Европы. Это прослеживается во всем, начиная от узурпации европейских ценностей как собственных, акцентирования своего образа жизни как эталонного и заканчивая подчеркиванием мессианского предназначения в мире.

Общеизвестны *цинизм и безнаказанность* силы США в Европе. Еще 1941 г. Г. Трумен говорил: «Если мы увидим, что побеждают немцы, то будем помогать русским, если же будут побеждать русские, то следует помогать немцам. И пусть они убивают друг друга как можно больше» (НГ. 22.06.2001). Одной рукой США поднимали Европу как бастион против экспансии СССР, а другой – их стратегия, согласно формулировке генсека НАТО, лорда Исмэя состояла в том, чтобы «to keep Americans ins, to keep Germans down, to keep Russians out» («держат американцев в Европе, держать немцев в узде, держать русских вне Европы»). Спустя более полувека с момента создания НАТО Европа стала совсем иной, и СССР исчез с геополитической «доски», но эта формула принципиально не изменилась, но и обрела *глобальное* измерение. Согласно экс-генсеку НАТО М. Вернеру, «главная роль НАТО... в изменившейся обстановке заключается в обеспечении стабильности по всей евроатлантической территории... от Ванкувера до Владивостока» [ЕВ 1993]. Контроль над *евроатлантическим* пространством – такова «сверхзадача» на глобальной «шахматной доске».

Но вернемся в Европу. С точки зрения США, «основная причина сохранения НАТО при отсутствии общего врага заключается... в том, что европейцы некомпетентны, разобщены и бессильны» [МЭиМО 1998. №3, 19]. Обвинения в инфантильности обретают форму грубых оскорблений Европы как «пигмея». Однако суть дела – не немощи Европы, а в ее все более самостоятельной, *не совпадающей* с американской, позиции. Еще до событий 11 сентября 2001 г. профессор Ф. Дефарж (Франция) сформулировал риторический вопрос: «*Означает ли принадлежность к Западу одновременно принадлежность к США?*» [Цит. по: Актуальные..., №3, 43]. Отношение Европы к этим событиям оказалось пробным камнем этой позиции. США квалифицировали это нападение как *войну* против одного из союзных государств. Тем не менее после 11 сентября «Европы нет

в этой войне... – констатировал Бжезинский. – ...те, кто раньше довольно хвастливо трезвонил о Европе, играющей самостоятельную, мировую роль в политике безопасности, ныне ведут себя сдержаннее» [НГ-Содружество. 04.02.2002].

Ранее Киссинджер иронически просил назвать телефон, по которому он мог бы позвонить «Европе». Но Европа без кавычек, как субъект, становящийся единым и дееспособным, уже *не хочет* слышать властного американского звонка. Вывод госсекретаря неутешителен: «Соединённые Штаты, отторгнутые от Европы, оказались бы в геополитическом смысле островом вдали от берегов Евразии, чем-то вроде Великобритании XIX века в сравнении с Европой» [2002, 41]. Председатель Военного комитета НАТО К. Науманн уже пишет о *«трансатлантической пропасти»* [2002, 15].

Американо-европейский брак по расчету переживает нелегкие времена. Они еще спят в одной постели, но уже видят разные сны. В этой фрейдовской «любви – ненависти» геополитика – лишь вершина айсберга, а его основание – *раздвоение* «Запада» в глубинном смысле, *дистанционирование* и подготовка к «разводу» американского и европейского культурно-цивилизационных комплексов.

Здесь – главный нерв проблемы. Многие властители дум в России окзались в плену *мифологем* «евроатлантической цивилизации» («Севера» – на языке российских либералов) и канувшего в бозе единого «Запада». Но российские либералы еще питают иллюзии на этот счет. В документе объединительного съезда правых сил отмечалось: «Глобальная миссия России – замкнуть Северное Кольцо (Европа – Россия – Япония – Северная Америка). Тем самым Россия призвана внести *решающий вклад* в создание единого пространства развитых демократических стран, разделяющих ответственность за мировое развитие и мировую безопасность» [НГ. 5.06.2001].

Инволюция такого подхода стала ясной на международной конференции (Москва, 2003). В. Иноземцев и С. Караганов в совместных «Тезисах о мировом порядке XXI века» выдвинули гипотезу нового «центра» нового мирового порядка. Они полагают, что США, ЕС и Япония «могли бы составить ядро нового «северного альянса», к которому присоединились бы также Россия, Канада...» (Антипов 2004, 57). Не говоря уже о статусе России, *«примкнувшей»* к «ядру» альянса, эта гипотеза а priori построена на концепции «Севера» – «затонувшей» «евроатлантической цивилизации».

Пора внести определенность в самоопределение России относительно «Запада». Если гомогенный «Запад» – уже мифологема, то отношения России с США и Европой, оставаясь взаимосвязанными (хотя и по-новому), по определению не могут совпадать. Демонизация США и *антиамериканизм*, как и всякое «анти», не продуктивны в принципе. Необходимо по-

нимание *реальной* роли США и *меры* конструктивного отношения к ним. В перспективе единой *метацивилизации* – деловое сотрудничество с Америкой. Но культурный, *ценностно-смысловой* и отсюда – геоглобалистский выбор и стратегические приоритеты России – не за океаном, а *в Европе*. Перефразируя чеканную формулу Цветаевой: «Русь – прадедам, Россия – нам», время сказать: «Запад» – прадедам, Европа – нам».

Европейская асимметрия России: pro и contra

«Христианский Восток – это восток Запада»

О.Клеман [PM 2000]

Глубинная причина попрежнему открытого характера проблемы «Россия и Европа» заключается в том, что, подобно «расщеплению» Запада, в *отношении* к Европе уже веками существуют *две* России. Н. Бердяев объяснил это фундаментальное противоречие двуединством европейски ориентированного «сверхкультурного» логоса России и хаоса ее «азиатчины». Обе культуры имеют своих выдающихся адептов [см.: Кантор 1997; Ключевский 1983, 19; Левяш 2004]. В глубоко укорененном культурном «раздвоении единого» по сути в двух разных исторических временах – модернистском и традиционном – извечно противоречивое *содержание* и *поиск сущности* позиционирования России по смысловой горизонтали – на Запад и Восток.

В определении места и роли России в Европе устойчиво выявились две *основные* тенденции [см.: Вторые... 2002; Достоевский Т.10, 375; Мережковский 1991, 197; Ницше Т.2, 244, 245]. Однако европейская идентичность России издавна встречает стойкую оппозицию. Опуская классические прецеденты (Гегель, Шпенглер, Кюстин, Халецкий), акцентируем один характерный эпизод. Еще недавно европейский «Запад» отождествлялся с ойкуменой *западнее* ГДР. Первый канцлер ФРГ К. Аденауэр чувствовал дискомфорт, проезжая поездом Среднюю Германию, и опускал шторы, чтобы «не видеть этой азиатской степи» за окнами вагона [ОНС. 1997. №6, 89]. Такая ориентация ныне фокусируется в метафоре: «Можно ли скрестить кита и слона?», и с этих позиций России в Европе места нет. Россия в полный рост – обновленная держава, *равновесная* Европейскому Союзу, не только неевропейский культурноцивилизационный комплекс, но и для многих – еще неудобный конкурент. Меру её потенциала целеустремленно и искусно вырабатывают методами кредитного пряника и натовского кнута.

Однако те силы, которые пытаются использовать переходную слабость России, не в ладу с прогностикой, основанной на историческом опыте.

Россию не однажды ставили на колени, но она неизменно вставала фениксом из пепла, ценой огромных жертв «сосредотачивалась» и самоутверждалась. Как заметил Бисмарк, «Россия никогда не сильна и не слаба настолько, насколько кажется» [Цит. по: НГ. 27.03.2001]. Парадокс, но она всегда, в конечном счете, сильнее, чем казалась, в грозные времена (Ельцин писал об этом в личном плане). Т. Грэхэм признает, что «России до сих пор удавалось преодолеть периоды стратегической слабости и восстановить свой статус великой державы, а те, кто недооценивал ее силу, ...расплачивались за это очень дорого» [НГ-Сценарии. №11. 8.12.1999].

Но будем *реалистами*. В глобальном многомерном мире, перед угрозой его слома неоимперской геостратегией США, ни одна из великих держав не самодостаточна. Каждой из них предстоит *выбор*, исходя из культурно-цивилизационных оснований. В начале XXI столетия выбор России, прошедшей «краткий курс» ельцинской платонической любви с «Западом», сформулирован В. Путиным в бундестаге ФРГ в 2002 году. *Геоглобалистский* лейтмотив его речи – в будущем Европа могла бы сыграть самостоятельную влиятельную роль в глобальном плане, *если* она объединит свой потенциал с потенциалом России [см.: Актуальные...№4, 167]. В этом ключе коренные интересы России и ЕС *совпадают*. По словам министра иностранных дел ФРГ Й. Фишера, «исторический проект единой Европы сегодня состоит в том, чтобы найти соответствующую форму процессу глобализации» [Intern. Politik. М. 2001. №1, 47]. Проблема в том, что такая форма (...) еще не оформлена, поскольку Европейский Союз еще *на пути* к панъевропейскому и тем – глобальному проекту. Отношения ЕС с Россией являются *решающим тестом* творческой способности Европы обрести *адекватную модель* глобализации не только евроазиатского континента, но и мира. Такой выбор еще нестабилен и далек от завершения.

В открытой, демократической России уже многое зависит от степени *легитимности* курса политической элиты. В этой связи примечательно исследование российского ИКСИ и немецкого Фонда Эберта (2002). Оно выявило «прохладное отношение» россиян как к США, так и к Китаю. Более того, их «отрицательный рейтинг» вырос. Напротив, устойчивое и в целом позитивное отношение россияне проявили к ведущим европейским странам. Характерно, что «мысль о движении в Европу ассоциируется именно с Европой и лишь во вторую очередь с ЕС... В целом россияне настроены на интеграцию, но они хотели бы входить в европейское сообщество в *своем собственном качестве* – именно как Россия, а не как еще одна приведенная к «европейским стандартам» ...страна» [Актуальные...№4, 208, 210, 211].

В выделенном курсивом пункте – самый «циклопический» камень преткновения. С точки зрения немецкого эксперта Х. Тиммерманна, «модер-

низация путем европеизации» – так звучит сформулированный в заостренной форме лозунг Путина... ЕС стремится включить Россию в динамично развивающийся процесс и сделать ее своим стратегическим партнером настолько, насколько Россия сама готова и в состоянии такое партнерство принять *в зависимости от восприятия ею* ценностей и представлений, на которых основан Европейский Союз (курсив мой – И.Л.)» [Актуальные.... №4, 164, 166].

Перед нами – формула скорее не *консенсуса* между равными субъектами, а *инкорпорации*. Если она диктуется застарелыми счетами – от казаков в Париже до советских танков в Праге, то, по Тойнби, Россия всегда испытывала на себе «давление со стороны Западной цивилизации» (Цивилизация..., с.46), и, по Александру Невскому, «латинщики хуже татар».

Спору нет, стратегическое партнерство предполагает принятие Россией ценностей ЕС, но при *условии*, что он также принимает веками выработанные великие *европейские* ценности России. Их корневая система: Петровская реформация; пушкинское Просвещение; Достоевский как отец сразу трех самых влиятельных философских течений в Европе – нищезанятия, фрейдизма и экзистенциализма; решающая роль в разгроме нацизма и защите общеевропейских ценностей; разочарование России в «закрытом обществе»; открытость и европейский вектор обновляемой страны. В этом дискурсе достойная роль России – в возвращении не «блудного сына», а одной из поруганных европейским тоталитаризмом дочерей – наследниц единой эллинской матери, субъектов европейской культуры. Отсюда – и толерантный подход экспертов ЕС: «Если определить одну тему, то это необходимость соблюдения *разделяемых ценностей* как внутри страны, так и за её пределами... Это является основой долгосрочного стратегического партнёрства, которое мы хотим создать с Россией» [НГ-Дипкурьер. 1.02.2001]. В русле такой ориентации – принятая на Московском саммите Россия-ЕС в 1999 г. «Стратегия отношений» как «...взаимосвязанное и сбалансированное усиление позиций России и Европейского Союза в рамках мирового сообщества XXI века» [Цит. по: СМ-XXI. 2001. №2, 37].

Тем не менее открытым остается вопрос о целесообразности *интеграции* России в ЕС. Интеграция – не самоцель, тем более, что в целом элиты Европейского Союза и, вероятно, его население не готовы к такой перспективе. Эксперты Еврокомиссии ставят вопрос о том, чего ЕС и Россия *вправе* ожидать друг от друга. Европа прошла длительный путь от «Духа законов» Ш. Монтескье до идеологии и практики ЕС, чтобы от *абстрактной* идеи единства перейти к пониманию таких фундаментальных предпосылок интеграции, как соразмерность *масштабов* государств и *однотип-*

ность их ценностно-смыслового ядра, политикоэкономических отношений и структур. Вполне резонансен вопрос Тиммермана: «*Как много* России способна вынести определяемая своими институтами Европа?» [Актуальные... №4, 177].

В таком ракурсе понятно заключение экспертов ЕС по России: «С одной стороны, ... в политическом и концептуальном плане Восток является частью Европы. С другой стороны, пока не просматривается перспективный план развития целостной Европы» (НГ. 22.09.2001). Действительно, у России – полный «джентльменский набор» противопоказаний членству в ЕС. 150-миллионное население (его 75% издавна проживает в европейской части страны), евразийские масштабы жизненного пространства, еще экстенсивный и во многом неопределенный тип хозяйственной и политической трансформации, – такой комплекс исключает *органический* характер адаптации России в ЕС и лишь вызывает нежелательное напряжение. Россия сопричастна Европе в культурном плане, но рациональный исход – не вступление в ЕС, а *открытость и стратегическое партнерство* с ним.

Вероятность такой эволюции заметно возрастет, если границы понятия «единая Европа» расширить до *паневропейского* масштаба. Европа второй половины XX столетия, особенно в перспективе принятия в ЕС ряда среднеевропейских государств, дифференцируется и предстает как великая *триадичность общеевропейской* цивилизации, которая включает в себя субцивилизации Западной, Центральной и Восточной Европы.

В этом контексте объективное противоречие между субцивилизационной «*почвой*» и европейской культурной «*солью*» России предполагает осознанный выбор не между евразийской утопией и реальностью, а между разными по объёму и смыслу *содержанием и сущностью, тенденциями* и их *вектором*. Включая в себя Азию, Россия сопричастна к ней, способна к её пониманию и освоению именно как Европа. Как *культурный* субъект, Россия – да простят игру слов – не азиатская, а *европейская* Евразия, и в таком качестве принимается Европой как «своё другое». Если время «собирать камни» общеевропейского Дома, то его адекватная структура – не «единая» (читай – западноевропейская), а *триединая Европа*, неделимая общими интересами, ценностями и судьбой нашего старого, доброго континента [см.: Левяш 1995; 2004, гл.11].

Евразийский тест европейской России

«Россия, будь универсальной!» Екатерина II

[цит. по: НГ.3.09.1998]

«Ведь шахматные же пешки! //И кто-то играет в нас»

М.Цветаева [1990, 320]

Эволюция в направлении триединой Европы обуславливает и преимущества, и сложность роли России, как геоглобального субъекта. Они обусловлены тем, что отношения России с миром в своем полном объеме выстраиваются на *разных* направлениях. *Многомерность* и *асимметрия* мира означают «испытание страны «на разрыв» – по крайней мере в экономическом отношении» – между динамично поднимающимися Европейским Союзом и Тихоокеанским регионом...» [см.: Салмин Вторые....2002].

В этой связи А. Салмин предложил плодотворную, стимулирующую дискурс, интеллектуальную провокацию. Ее суть в том, что, хотя в конце XX в. демократические «Афины» взяли исторический реванш, одержав победу в холодной войне над тоталитарной «Спартой», однако «общий исход мировой «Пелопонесской войны» оказался достаточно похожим на результат ее исторического прообраза... и на этот раз в действительности выиграл не явный победитель, а некий пока безликий «третий радующийся», на роль которого – возможно, коллективную – уже объявлен конкурс» [Там же].

Из этого метафорического «мешка» явно «торчат уши» АТР – Китая, Японии, «азиатских тигров». Уже первого из них достаточно, чтобы представить межконтинентальный масштаб и возможные глобальные последствия проблемы. Еще Наполеон говорил о Китае: «Там лежит гигант. Пусть спит. Когда он проснется, он потрясет мир» [Цит. по: Гаджиев 1997, 230]. В XX в. великие потрясения выдержал и сам гигант, не лишенный гегемонистских претензий к Западу. «Если ветер с Востока не будет одолевать ветер с Запада, – утверждал Мао-Цзэдун, – то ветер с Запада одолеет ветер с Востока» [Цит. по: Правда, 27.11.1997].

Эти бредовые фантазмы и прожекты утратили всякую связь с реальностью. Современный Китай капитализируется по принципу Ден Сяопина о безразличии цвета кошки при условии, что она ловит мышей. Такая ориентация – уже надежная гарантия объективной *ограниченности* глобальных гегемонистских амбиций Китая. Ему есть что терять, кроме своих целей. Не менее значимо, что дракон китайской цивилизации – это символика конфуциански *азиатской* «Поднебесной», но не корневой системы глобального проекта. Крайне значим и абсолютно сдерживающий *геостратегический* фактор. Население Китая – 1.300 млн. человек, и обмен выживания и развития великой страны на тотальное постыдное пепелище просто

исключен. Более того, в устойчивой динамике Китая – его поучительная для всего мира *уникальность*, прежде всего – для анемичного «третьего мира». Отсюда – некорректность имиджа Китая, как пугала мира, и китаефобия, недостойная великой России.

Региональная проблема отношений России с Китаем действительно существует, но она не может быть решена по формуле доклада Витте государю: «Россия является «оплотом против желтой расы» [Цит. по: Полис. 1999. №1, 30]. Ныне межцивилизационная конфронтация предстает в геополитической логике «баланса сил», союза «с врагами врагов», прежде всего прожекта антикитайского альянса России и США [см.: Жирнов 2001, 34–35]. Не следует, однако, забывать, что «для танго нужны двое», и, прежде чем «хвалиться, едучи на рать», полезно просчитать степень готовности России.

Такие ориентации – свидетельство неспособности выстраивать культурный *диалог*, глобальные межцивилизационные *коммуникации* и геоэкономические *мосты*. В качестве теста С.Рогов обращается к перспективе экономического и политического сотрудничества Европы и Азии в рамках созданного в начале 90-х г.г. АСЕМ (АСЕМ: Asia – Europe Meeting). В его составе уже 10 стран Азии, включая Японию и Китай, и 15 стран Европы. АСЕМ перерастает межрегиональные рамки и влияет на *глобальное* сообщество, поскольку Азия и Европа – два наиболее влиятельных региона мира.

Каково место России в этом подлинном «проекте века»? Достаточно отметить, что через российскую территорию проходят 3 из 9 международных коридоров ЕС. Ее транспортная система способна обеспечить 15% общего грузопотока в сообщениях Европа-Азия, а в перспективе Европа – Азия – Америка. Но сегодня через Россию проходит не более 1–2% торговли между Западом и Востоком. Главный камень преткновения – медленный темп интеграции с Европой. Поскольку РФ не является членом ЕС, для нашего участия в АСЕМ в качестве европейской державы возникают серьезные препятствия. В то же время существуют сомнения в Азии относительно вступления России в АСЕМ. «Это может быть использовано теми силами на Западе, которые стремятся «исключить» Россию из Европы. Но неучастие России в АСЕМ чревато окончательным исключением нашей страны из интеграционных процессов как в Европе, так и в АТР» [Рогов НГ-Дипкурьер. №19. 07.11.2000].

Становится понятным, что популярная и лестная для России «многовекторность» – это отсутствие всякого вектора и дрейф «без руля и ветрил». Подлинный *вектор* стабильной и достойной роли России в глобальном мире, включая и необходимые предпосылки тесного взаимо-

действия с Америкой и Азией, – в *геоглобалистском партнерстве* с Европейским Союзом. Это не предопределение, но оптимальный выбор.

Библиография

- Антипов А. Quo vadis? // СМ-XXI. 2004. №2.
Актуальные проблемы Европы. М. 2003. №3, 4.
Гидденс Э. Последствия модернити // Новая постиндустриальная волна на Западе. М. 1999.
Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М. 2003.
Вторые Горчаковские чтения «Мир и Россия на пороге XXI века».
<<http://www.rami.ru/publications/gorchakov/worner.rtf>> 26.10.2002.
Делёз Ж., Гваттари Ф. Ризома // Философия эпохи постмодерна Мн. 1996.
Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации – 2000
// НГ-Круг жизни. 30.03.2001.
Дугин А. От имени Евразии // Московские новости. 1998, №7.
ЕВ (Европейское время). №11. Декабрь 1993.
Ерасов Б. Россия в евразийском пространстве// ОНС. 1994. № 2.
Жирнов Д. Россия, Китай, многополярность // СМ-XXI- 2001. №5.
Замятин Е. Избранное. М. 1989.
Зегберг К. Сшивая лоскутное одеяло (Шансы и риск глобализации в России)
//Pro et contra. 1999. Т4. №4 <<http://pubs.carnegie.ru/russian/>>
Ионин Л.Г. Консервативная геополитика и прогрессивная глобалистика
//Соисс. 1998. №10.
Ионин Л.Г. Прагматизм глобальной идеи //НГ-Сценарии. 09.02.2000.
Кантор В.К. «...Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации. Истори
софоские очерки. М. 1997.
Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? М. 2002.
Конференция Римского клуба на тему “Устойчивое будущее России?”
(Москва, 2000). <http://www.ptpu.ru/issues/5_00/5_5_00.htm>
Левяш И.Я. Русский коммунизм: альтернативы...//Соисс. 1997. №1.
Левяш И.Я. Национальный интеллект как созидательная сила //СМ. 1998. №1.
Левяш И.Я. Глобализация: новое или последнее осевое время <levyash.by.ru> [2003].
Левяш И.Я. Культурология. Изд. 5. М. 2004.
Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. В 2 т. М. 1992.
ЛГ (Литер. газета). 2-8.10.2002; ЛГ-Действующие лица. Вып.1. 2003; 5.11.2003.
МЭиМО (журнал «Мировая экономика и международные отношения». Москва).
Науманн К. Конец Североатлантического Союза?//Intern. Politik.М. 2002. №7.
НГ (Независимая газета). Москва.
Олбрайт М. Задача США - управлять... // НГ.16.10.1998.
Политика США в области науки. М. 1971.
Путин В. Россия на рубеже тысячелетий // НГ. 30.12.1999.
Рац М. Российский проект в глобальном контексте // Полис. 2001. №6.
Рогов С. Россия между Европой и Азией...// НГ-Дипкуррьер. №19. 07.11.2000.
РМ (Русская мысль). 3-9.08.2000. №20.
СМ-XXI(Свободная мысль). 2001. №2; 2004. №1.
Солженицын А. Малое собрание сочинений. Т.2. М. 1991.
Солженицын А. Наука в пиратском государстве // НГ. 3.06.1999.

- Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т.1. М. 1989.
 Стратегия для России (1). Тезисы Совета по внешней и оборонной политике // НГ. 27.05.1994; Стратегия...(2) // НГ. 18.06.1998.
 Тойнби А. Постижение истории. М. 2003.
 Тренин Д. Внешнеполитические проекты для России // НГ-Дипкурьер. 17.02.2000.
 Тренин Д. Россия и новый миропорядок // Intern. Politik. М. 2002. №7.
 Федотова В. Третий путь // Свободная мысль-XXI. 2002. №2.
 Фукуяма Ф. Неясность «национального интереса» // НГ-Особая папка. 13.10.2000.
 Чешков М. О видении глоболизирующегося мира // МЭиМО. 1999. №4.
 Цимбурский В. Геополитика для «евразийской Атлантиды» // Pro et contra. 1999. №4.
 Huntington S.P. The lonely superpower // Foreign affairs. Washington. 1999. Vol. 78.
 International Politik. М. 2001. №1.
 Lacoste Y. Les Geographes: l'action et la politique Herodote. P. 1984.
 Sorrel M. Branding the New Era // Foreign Policy. Summer 2000.

Cel artykułu – zrozumienie dialektyki globalizacji i geopolityzacji w kontekście współczesnej transformacji Rosji. W rozważaniach nad tym problemem ważne jest określenie sensu geopolityki i globalizacji, dynamiki geopolitycznych tradycji i globalnych innowacji.

Plan ramowy: globalizacja jako wyzwanie dla Rosji; od geopolityki do geoglobalistyki; utożsamienie i samo-utożsamienie Rosji we wzorce; selekcja globalna; mitologemy a rzeczywistość; Zachód i europejska asymetria Rosji: pro i kontra; europejski wektor Rosji euroazjatyckiej.

The purpose of the article – comprehension of the Dialectic of Globalization and Geopolitization in the context of modern transformation of Russia. In the consideration of this problem it is important to determine the senses of Geopolitics and Globalization, the dynamics of geopolitical traditions and global innovations.

Frame of the analysis: a Globalization as a challenge for Russia; from Geopolitics to Geoglobalistic; identification and self-identification of Russia in a pattern; global Selection: mythologems and reality; the West and the European asymmetry of Russia: Pro and contra; European vector of Euroasian Russia.